
КНИЖНЫЙ ОСТРОВ

Наши русские чиновники: Антология / В. Карлгоф, А. Пушкин, Н. Гоголь и др.;
сост., вступит. ст., примеч. И. Н. Сухих. М.: РИПОЛ классик, 2024. —
480 с. — (Антология русской души)

Русское чиновничество придумал Петр Великий, введя в 1722 году «Табель о рангах всех чинов, воинских, статских и придворных...» — напоминает составитель антологии Игорь Сухих. Позднее в «Табели» что-то менялось, чины исчезали — оставались чиновники. В том числе в книгах, в образах, в культурной памяти. Собранные под одной обложкой тексты дают представление о том, как относились к русскому чиновничеству классики русской литературы, создавшие настолько яркие образы чиновников, что они и по сей день «живее всех живых». Русские писатели оставили подлинные картинки жизни и быта персонажей-чиновников, сумели воспроизвести и их

душевные переживания, чаяния, мысли. Это писатели, отразив в своих произведениях взгляды своих современников на чиновничество, в то же время формировали и отношение современников — и потомков — к многочисленному и разнообразному по материальному положению, по важности занимаемого поста чиновничьему люду. В антологию входят произведения В. Карлгофа, А. Пушкина, Н. Гоголя, М. Салтыкова-Щедрина, Н. Лескова, А. Чехова, Л. Андреева, М. Зощенко, М. Булгакова, А. Куприна. В них русские писатели по-разному, от сентиментальности до сатиры, изображают этот неустрашимый феномен национальной жизни. Текстам предпослана статья И. Сухих, где, анализируя представленные тексты, автор исследует эволюцию темы чиновничества в русской классической литературе. Две повести с одним названием, где герои — чиновники нижних ступеней — вышли практически одновременно. Но их судьба различна. «Станционный смотритель» Карлгофа (1827) перепечатывается в данной антологии почти через двести лет после публикаций в журнале и сборнике Карлгофа. «Повесть Белкина» Пушкина — один из шедевров русской прозы — создала особую тематическую линию *повести о бедном чиновнике* и многочисленные эхо-отклики в последующей литературе. Различие литературной судьбы двух «Станционных смотрителей» объясняется не только уровнем таланта их авторов, утверждает И. Сухих. Важен их литературный контекст. Карлгоф следует уже устаревшей к 30-м годам XIX века карамзинской манере. Он сентиментален и поэтичен, но его поэзия приторна, жеманна. Карлгоф создал идиллию и утопию — идеальную модель судьбы маленького человека, но соотносить ее с реальностью было невозможно. Демонстративно повторив заглавие повести Карлгофа, А. Пушкин изобразил своего героя в реальных обстоятельствах. В судьбе «мученика четырнадцатого класса» он показал не идиллию, а драму, причем не только/столько чиновника, но — отца, мужчины, человека. С «Повестей Белкина» начинается новая манера разговора русских писателей о русской жизни. Гоголевская «Шинель» продолжит пушкинскую традицию. Судьба гоголевского «вечного титулярного советника» еще трагичнее, чем пушкинского коллежского регистратора. А «Ревизор» Гоголя гениально продолжит сатирическую линию изображения чиновничества, зародившуюся еще в XVIII веке. «Ревизор» остается одной из вершин русской сатиры, пьесой, тема которой и герои актуальны на все времена. Новые сатирические страницы, чиновничеству посвященные, вписывают в историю русской литературы писатели, узнавшие этот быт изнутри. «Губернские очерки» (1856) Салтыкова-Щедрина придали гоголевскому гротеску более конкретные, бытовые черты, что неудивительно. Писатель, побывавший вятским и тверским вице-губернатором, «работал» со знакомым материалом. То, что у Гоголя выглядело фантазмагорией, у М. Щедрина приобрело характер неопровержимого факта, свойства системы. Причем Щедрин не просто изображал, но и объяснял особенности чиновничьего менталитета. И. Сухих выделяет важный аспект в монологе щедринского «Надорванного»: «Я столько получаю ежедневно оскорблений, что состояние озлобления не могло не сделаться нормальным моим состоянием. Кроме того, *жалованье мое такое маленькое*, что я не имею ни малейшей возможности расплыться в материальных наслаждениях». «Собственно, именно бедность чиновников, неустойчивость положения, недостаточность жалованья для безбедного существования, зависимость от всей иерархии начальства не только по службе, но часто и в быту оправдывали в глазах общества привычное взяточничество русских чиновников», — пишет Е. Жерихина в книге «Русский чиновник как исторический персонаж». Важные штрихи к коллективному портрету чиновничества, большую часть которого на взяточничество провоцировала сама государственная система, добавляет Лесков: честный чиновник — либо сумасшедший («Однодум»), либо иностранец, англичанин («Язвительный»). Писатель следующего поколения, Чехов, снова меняет художествен-

ную оптику. Он уже не издевается, а иронизирует и презирает преклоняющихся перед чинами, утративших собственное достоинство. Это и «Смерть чиновника», где сочувствие вызывает уже не бедный чиновник, а значительное лицо, старичок генерал, и рассказ «Толстый и тонкий», в котором тонкий лебезит перед одноклассником, узнав, что по чиновничьей лестнице тот на пять ступеней выше. Еще один тайный советник в одноименном рассказе, увиденный глазами ребенка, изображен писателем с добрым юмором, как все люди. Чехов помнит «Табель о рангах» (отсюда и заголовок), но не принимает ее во внимание. Он изображает не отставного чиновника, но – человека. Человека увидел в своем герое и Л. Андреев – остролюбодневный рассказ «Губернатор». В ходе революции 1905 года генерал отдает приказ о расстреле рабочей забастовки. А далее идет хроника объявленной смерти: угрозы в письмах генералу и членам его семьи, ожидание неизбежного, трагический финал. В антологию включена повесть М. Зощенко «Коза» (1923), точная вариация, калька гоголевской «Шинели», история коллежского регистратора, но в другую эпоху. И причудливая повесть М. Булгакова, «Повесть о том, как двойники погубили делопроизводителя», провоцирующая на воспоминания о Гоголе, Достоевском и еще глубже – Гофмане и других романтиках. А завершается антология на беззлой ноте. Куприн из эмигрантской и исторической дали рассказывает забавный анекдот о том, как самому прямому и честному губернатору приходится к юбилею Отечественной войны 1812 года заниматься поиском «древних старожил, которые имели случай видеть Наполеона». А подчиненный готов на все: «Они у меня не только Наполеона, а самого Петра Великого вспомнят!» Собранные под одной обложкой тексты «на заданную тему» дают возможность сопоставить день минувший и день нынешний, оценить живучесть «особенностей чиновничьего менталитета», а заодно насладиться хорошим русским языком. А статья И. Сухих приглашает к размышлению..

Наталья Михайлова. Лиза и ландыши. М.: Кучково поле, 2024. — 254 с.: ил.

В книгу включено одиннадцать статей и очерков, в которых Наталья Михайлова, пушкинист, писатель, музеестроительница, рассказывает о поэтической культуре и литературном быте, о предметном мире и нематериальных ценностях ушедшей эпохи, эпохи Пушкина. Здесь и впервые опубликованный автограф А. Пушкина, и рассказ о его знаменитой Болдинской осени, и размышления о романе «Евгений Онегин». Руководствуясь словами самого Пушкина, что «всякая строчка великого писателя становится драгоценной для потомства», Н. Михайлова воссоздает историю автографа А. Пушкина на шмуцтитуле альманаха «Северные цветы»: «Плетневу от Пушкина в память Дельвига 1832 15 февр. С.П.Б.» — и раскрывает ее трагическую подоплеку, дает свою интерпретацию человеческих и литературных отношений. Она подробно рассказывает о знаменитой Болдинской осени 1830 года, вошедшей в историю литературы как самый плодотворный период в творчестве поэта. «Читали ли вы Онегина?» — выносит она в заглавие вопрос и предлагает осуществить путешествие в мир «Евгения Онегина», в мир его автора и героев, в конкретную эпоху первой четверти XIX века, в которой живут и люди, пришедшие из века XVIII. В мир, где двойной лорнет, «недремлющий брегет», шляпа боливар, одноместные санки, альбомы с рукописными стихами (светское воспитание требовало от молодого человека умение написать в альбом мадригал, нарисовать цветок или пейзаж) — привычные для современников романа мелочи жизни, давно ушедшие из нашего быта. Н. Михайлова рассказывает о сути и значении этих мелочей. А еще — о богатейшей духовной среде обитания далекой эпохи. В романе «Евгений Онегин» органично присутствуют полководцы и философы, художники и актеры, писатели, друзья Пушкина. Всего названо около двухсот тридцати имен, и эти имена для современни-

ков Пушкина были многоговорящими, отсылали к русской истории, отражали заботы и улады текущего дня. В многоголосном хоре пушкинского романа звучат голоса самого поэта и Мицкевича, Языкова и Овидия, Дельвига и Гомера, Баратынского и Байрона, Жуковского и Парни, Батюшкова и Петрарки, Вяземского и Тассо. Образы, навеянные французским романистом Ретифом и баснописцем Флорианом. Непрерывный диалог русской и мировой культуры, шедший на страницах романа, был понятен современникам, но, увы, уже не нам. Н. Михайлова стремится приблизить к нам ускользающие от нас смыслы пушкинских строк. А еще дает взглянуть на былое сквозь оптику нового научного направления — истории эмоций, увидеть, какие жаркие споры кипели среди первых читателей «Евгения Онегина», как только заходила речь о том, какая участь ожидает литературных героев, созданных пушкинской фантазией. «Альбом есть памятник души...» — уверял дядя А. Пушкина, Василий Львович, отдавший щедрую дань альбомному творчеству, как и А. Пушкин, чьи альбомные стихи и рисунки стали предметом особого изучения. В романе «Евгений Онегин» он даже предложил читателю альбомную своеобразную типологию: альбомы светских красавиц, блистательной дамы и уездной барышни Ольги Лариной, заполненный стихами и рисунками Ленского. Традиция рукописных альбомов пришла в Россию из Западной Европы во второй половине XVIII века, в 1820-х годах альбомная культура переживала свой расцвет. Альбомы клали на столики в гостиных, брали с собой на балы и в путешествия. Их украшали, заключали в переплеты алого сафьяна, зеленой или коричневой кожи с золотым тиснением, с позолоченными или латунными накладками. В собрании Государственного музея А. С. Пушкина хранится более ста рукописных альбомов пушкинского времени. Н. Михайлова, исследуя эти памятники эпохи, комментируя находящиеся в них тексты, рассказывая о судьбах их владельцев (а среди них и светская красавица Елизавета Демидова, урожденная Строганова, и семейство Мариных), в то же время знакомит с читательскими вкусами и эстетическими пристрастиями людей давно ушедшего времени, их взаимоотношениями, мыслями и чувствами. Среди героев очерков и создатели той поэтической культуры, которая воспитала музу Пушкина. Это Н. Карамзин, автор ставшей вершиной его сентиментализма повести «Бедная Лиза», над которой московская публика годами проливали слезы на берегу последнего пристанища бедной Лизы — пруда близ Симонова монастыря. Это и И. Дмитриев (1760—1837), министр, поэт и друг Н. Карамзина, автор чувствительной песни «Стонет сизый голубочек» и сказки-сатиры «Модная жена», принесших ему широкую популярность. Среди литературных мэтров допушкинской поры и первый литературный наставник будущего гения, его дядя Василий Львович. «Писатель нежный, тонкий, острый, мой дядюшка...» Он был искусным стихотворцем и блестящим переводчиком. Из-под его пера выходили басни и сказки, элегии и романсы, песни, эпиграммы, мадригалы, подражания. Некоторые его строки актуальны и по сей день: «Слов много затвердить не есть еще ученье: / Нам нужны не слова, нам нужно просвещение». Он был почитаем современниками: в последний путь его провожала вся литературная Москва. Его судьба была драматична. Он неудачно женился, развод получить удалось, но церковный суд наказал его обетом безбрачия, из-за чего он не мог жениться на московской купчихе, матери двух его детей, живших в доме как воспитанники. Он страдал, особенно под старость, что не может дать им свое имя и состояние. В работах Н. Михайловой множество изящных литературоведческих открытий, тонких, прозорливых наблюдений. Она обнаружила, что на дереве у пруда, где бедная Лиза закончила свою жизнь, были начертаны рукой В. Л. Пушкина строки из сонета Петрарки, которые послужили эпиграфом в первом книжном издании «Бедной Лизы». В очерке «Читали ли вы Онегина?..» она, сопоставляя пушкинский текст с поминальными речами того времени, доказывает, что, рассказывая о смерти Ленского,

«Пушкин использовал веками отработанный жанр церковного красноречия». Отмечает особую чувствительность, присущую людям XVIII века. Так, прославленный полководец Российской империи генерал-фельдмаршал граф П. Румянцев-Задунайский, когда рожала его любовница, заливался слезами в соседней комнате. Генералиссимус, князь Итальянский, граф Суворов-Рымникский любил церковное пение, сам пел на клиросе и платил пенсии лучшим певчим придворной капеллы. Императрица Елизавета Петровна, увидев однажды стадо быков и узнав, что их гонят на бойню, заплатила за них деньги и спасла от гибели. Завершает сборник глубокая статья о М. Лермонтове «Желанный парус».

Наталья Таньшина. Страшные сказки о России. Классики европейской русофобии и не только. СПб.: Питер, 2024. — 256 с. (Серия: Питер покет)

Кажется, после 24 февраля 2022 года западный мир охватила пандемия ненависти к России и всему русскому. Не впервые. Страшные сказки о России во все времена были популярны у европейцев. Эта книга — галерея образов России, созданных европейскими авторами XIX века, преимущественно французскими. Среди «сказителей» были убежденные русофобы и обычные конъюнктурщики, которые следовали модным тенденциям или работали на заказ. Среди книг, к которым обращается историк Наталья Таньшина — яркие образчики русофобии, выдаваемые за авторитетный источник информации. Одна из них — «Записки о Московии» (1549) австрийского дипломата С. Герберштейна, который дважды приезжал в Москву с дипломатической миссией. Миссии завершились провалом, свою неудачу Герберштейн объяснил ужасными свойствами русских и их неспособностью приобщаться к достижениям европейской цивилизации. Второй главной русофобской книгой о России является работа маркиза де Кюстина «Россия в 1839 году». Отношение к ней неоднозначно, «Страсти по Кюстину» кипели в русском обществе по выходе книги в свет, кипят и поныне, всплески интереса к ней происходят всякий раз, как политическими игроками на международной арене и внутри страны востребован негативный образ России. У обоих авторов имелись серьезные личные причины испытывать неприязнь к России. Образ России в изображении зарубежных историков и публицистов неоднократно варьировался. Иногда трансформации проходили на страницах работ одного и того же автора. Так, в начале 1813 года Наполеон заказал историку Ш.-Л. Лезюру книгу о казаках, у которых, согласно наполеоновской пропаганде, человеческого были только руки и ноги. После поражения великой армии образ дикого и необузданного казака-варвара стал неактуален, и Лезюру пришлось внести некоторые уточнения. Сама жизнь опровергала инвективы Лезюра. Русские войска, вступившие в Париж 31 марта 1814 года, вызвали у обработанного наполеоновской пропагандой населения когнитивный диссонанс: парижане (среди них был и юный Гюго) не могли поверить, что галантные, красивые, говорящие на прекрасном французском языке русские — это и есть ужасные казаки, «глотатели свечей» и «пожиратели детей». Виртуозом политического «переобувания на ходу» в зависимости от политической конъюнктуры был духовник Наполеона Бонапарта аббат Прадт. В 1820-е он призывал Европу объединиться перед лицом «русской угрозы». Позднее, когда в условиях кризиса англо-французского «сердечного согласия» Франция искала союзников, он выступил за союз с Россией, оправдывал и даже обосновывал ее притязания на Польшу. О русской угрозе во второй половине 1820-х годов писали А. Рабб, Н. Жильбер, Д. Оберон. Переплюнуть Кюстина пытался французский путешественник Ф. Лакруа, в России не бывавший. Зачем приезжать в Россию, если все связанные с ней мифы и стереотипы давно сформированы? Один из масштабных антирусских мифов — о стремлении России подчинить себе весь мир — формировался еще на рубеже XV—XVI веков,

во времена «открытия» далекой «Московии» ренессансными путешественниками и, особенно, в годы Ливонской войны. Именно тогда перед европейскими государями встал вопрос: не окажется ли со временем «русская угроза» даже сильнее и серьезнее турецкой? Петровские преобразования заставили вспомнить о «русской угрозе» и породили самую страшную и живучую сказку о вечном российском экспансионизме, запечатленную в фальшивом «Завещании Петра Великого». Всплеск антирусских настроений вызвала Крымская война. Свой вклад в создание образа врага — русского варвара — внесли сентиментальный русофоб и исследователь северных земель Л.-А. Леузон Де Дюк, «творец истории Франции» знаменитый Ж. Мишле, живописец и график Г. Доре. Как целостная идеология русофобия формируется в XIX столетии, в век становления классических идеологий, общественного мнения и прессы. Тогда же в английской прессе появился и термин «руссофобия», а в России распространилось выражение «англичанка гадит». И не случайно: по окончании наполеоновских войн Россия и Великобритания становятся лидерами на континенте, и между ними начинается острое соперничество. Англичане боятся потерять Индию и увидеть Россию в Константинополе. Самый известный английский русофоб Д. Уркварт запугивал читателя «русской угрозой» и нагнетал панический страх перед Россией, вопрошая: «Станет ли мастодонт сарматских степей Левиафаном морей Запада?» В середине XIX века польский историк-расист Ф. Духинский выдвинул идею о расовой неполноценности русских, не славян, а подвида туранского племени наравне с монголами, и нашел последователей во Франции, чьи теории востребованы и сегодня. Непреодолимое отвращение к славянам в целом и русскому народу в частности испытывали классики марксизма. К. Маркс «колыбелью Московии» считал «кровавое болото монгольского рабства», революцию в России Ф. Энгельс мыслил альтернативой ее мировому господству. Подретушировать и смягчить образ «варварской России» попытался в конце XIX века французский историк А. Леруа-Болье. Многие из работ, о которых рассказывает Н. Танышина, на русский язык не переводились. Она анализирует тексты, приводит цитаты, раскрывает историю их создания и конкретные ситуации, в которых они появлялись, проясняет цели авторов, задачи, которые они решили в контексте своего времени. Она пишет о том, кем, когда, почему и зачем формировались мифы о России и стереотипы ее восприятия, те, что действуют и сейчас. Те же страхи перед «необузданной, свирепой, варварской, дикой, деспотичной державой, стремящейся к мировому господству». Анализируемые ею тексты почти не отличаются от работ современных западных пропагандистов, поэтому и выглядят так, будто написаны сегодня. Несмотря на многовековое противостояние европейцев между собой, как бы они ни враждовали, друг для друга они остаются «своими», представителями одной традиции, одной культуры. Мы же в их восприятии на цивилизационном уровне из Других перешли в категорию Чужих. Водоразделом стали принятие Русью христианства по восточному образцу и отказ от католической унии, ордынское нашествие и иго. Для европейцев мы предстали наследниками Орды и перенесли на себя тот негатив, который прежде доставался Востоку. Конечно, кроме страшных сказок о России, иностранные авторы создавали и иные, добрые сказки, и таких тоже было немало. Порой Россия превращалась из империи Зла если не в воплощение мирового Добра, то в совершенно безопасное государство, а порой и в помощника и защитника. Тот или иной образ России — враждебной или дружеской — был необходим европейцам для решения собственных внутренних проблем и в зависимости от ситуации мог весьма быстро корректироваться.

Публикация подготовлена
Еленой ЗИНОВЬЕВОЙ

Редакция благодарит издательства за предоставленные книги